

Шум сетевого мира подобен приливу: у него есть и отлив. Когда первоначальный восторг от Красного танца: Обжигающая тень начал постепенно утихать, на смену ему пришли более конкретные, а порой и острые критические замечания. Шэнь Цинцы, как обычно, после завершения тяжелых рабочих дел, с едва уловимым предвкушением открыл анонимный аккаунт и принялся листать новые комментарии.

Большая часть отзывов по-прежнему была полна восторженных похвал, возводящих его в ранг Таинственной королевы и называющих Потолком атмосферности. Но в этот раз несколько комментариев, выбившихся в топ, словно тонкие ледяные иглы, неожиданно вонзились ему в глаза:

— Фигура и манеры блогера вне конкуренции, но, честно говоря, в танце заметна некоторая скованность. Особенно в связках мышечных усилий в районе поясницы, не хватает плавности, — (1,5 тысячи лайков).

— Соглашусь с предыдущим оратором. Красота — это правда, сексуальность — тоже, но некоторые переходы между движениями выглядят несколько топорно. Кажется, силы кора немного не хватает, стоит поработать над координацией тела, — (1,2 тысячи лайков).

— Возможно, дело в одежде? Чувствуется, что некоторые движения скованы, немного неестественны, не хватает легкости. Но в целом это уже на голову выше девяноста девяти процентов остальных! — (980 лайков).

Скованность? Топорность? Координация? Сила кора?

Эти слова, словно острые скальпели, рассекли слои похвал, обнажая изъяны, которые он старательно пытался скрыть. Пальцы Шэнь Цинцы, сжимавшие телефон, слегка побелели. Внутри всколыхнулось сложное чувство из смеси стыда, упрямства и... осознания того, что его заделали за живое.

Если бы это были обычные сетевые нападки, он мог бы просто отмахнуться. Но эти комментарии не были злобными сплетнями — в них читался холодный взгляд профессионала. Отчасти они были правы.

Его танец строился на внезапном желании подражать и эмоциональном выплеске, опираясь лишь на отличные природные данные и врожденное чувство ритма, но при этом ему не хватало системной подготовки. Те самые, казалось бы, естественные движения бедрами и повороты действительно обнаруживали нехватку контроля в деталях, требующих сильного кора и отличной координации. Особенно в красном платье, подчеркивающим каждый изгиб фигуры, некоторые движения, требующие широкой амплитуды, выглядели несколько скованно, лишенными полной свободы.

Давно забытое чувство азарта, которое обычно просыпалось в нем при столкновении с сильными соперниками в бизнесе, вытеснило первоначальную досаду. Неужели он, Шэнь Цинцы — будь то в роли наследника корпорации или в личине Цинцин, — готов уступить кому-

то? Особенно в том, что касалось обаяния Цинцин.

— Скованность... координация... — тихо повторил он, переводя взгляд на просторную, застланную мягким ковром комнату, служившую ему спортивным залом. Там стояло множество тренажеров экстра-класса, но обычно он использовал лишь гребные тренажеры, беговые дорожки и силовые снаряды, поддерживающие мужскую, крепкую и мощную фигуру.

Однако теперь, ради Цинцин, ему требовался иной язык тела — более гибкий, выразительный и способный воплотить всю грацию женских движений.

В голове отчетливо всплыла мысль: йога.

Йога делает упор именно на гибкость тела, силу кора, баланс и координацию мышц, что как раз и закрывало его слабые места. К тому же, особое состояние предельной концентрации и контроля над телом во время практики, казалось, идеально сочеталось с той женственностью и элегантностью, к которым стремилась Цинцин.

Сказано — сделано. Он мгновенно, через зашифрованные каналы, приобрел качественные профессиональные видеокурсы по женской йоге — от самого фундаментального уровня до сложной виньяса-йоги. Он быстро закупил нужное оборудование: высококлассные йога-маты, кирпичи, ленты для растяжки, подушки для медитации — всё было самого высокого качества.

В тот же вечер, закончив проверку рабочих писем, он не стал сразу облачаться в женский наряд, а надел лаконичный черный спортивный комбинезон. Встав перед огромным зеркалом в зале, он начал свою первую тренировку.

Поначалу всё было неуклюже и трудно. На экране видеоурока инструктор двигалась подобно потоку воды — легко и изящно, а выполняя эти же позы, он понял, что такое настоящая скованность. Мышцы задней стороны бедер сводило, при наклонах кончики пальцев были далеки от пола, суставы таза скрипели, словно заржавевшие шестеренки, а боль при растяжке была почти невыносимой. Силы кора, пусть и немалой, не хватало для удержания равновесия, и его тело всё время качало из стороны в сторону.

Вскоре пот пропитал его костюм. Мышечная боль и чувство потери контроля резко контрастировали с его привычным образом жизни, где всё всегда было под его началом. Однако он не сдался. Упорство и целеустремленность, выкованные в бизнес-сражениях, целиком сосредоточились на этой, казалось бы, мелкой задаче. Он выровнял дыхание, двигаясь за видеоуроком, прорабатывая каждую деталь, чувствуя, как растягиваются мышцы и раскрываются суставы.

Спустя несколько дней он стал интегрировать занятия йогой в свое время за Цинцин.

Сначала он выполнял полный цикл йоги, чтобы разогреть и растянуть тело, доводя его до состояния гибкости и чувствительности. А затем переодевался в женскую одежду — легкие

шелковые ночные сорочки или облегающие трикотажные платья.

Произошли удивительные перемены. После того как тело было полностью раскрыто упражнениями, ощущения в женской одежде стали совсем иными. Исчезла малейшая скованность, сменившись чувством небывалого единства с тканью. Его контроль над телом заметно вырос: каждый поворот, наклон или даже простая поза стали более устойчивыми и грациозными.

Он снова попытался танцевать под музыку. В этот раз он четко ощущал очередность напряжения мышц, и связки между движениями стали по-настоящему плавными. Заминки ушли, уступив место мягким переходам, а координация стала видна невооруженным глазом. Он даже рискнул попробовать движения, которые раньше боялся исполнять: глубокие прогибы назад, более широкие боковые растяжки.

Глядя в зеркало на фигуру, естественно движущуюся под музыку, он почувствовал глубокое удовлетворение. Это была не просто оптимизация внешних форм, а глубокое познание самого себя и диалог со своим телом. Через йогу он словно начал тихий процесс слияния и перестройки — мужской статности Шэнь Цинцы и женской мягкости Цинцин.

Процесс занятий йогой стал для него уникальной медитацией. В каждом глубоком вдохе и предельном растяжении тела дневные стрессы и груз масок покидали его. Он погружался в состояние единения с телом, на время забывая о внешних неурядицах и давлении своего статуса.

Порой, замирая в сложной балансовой позе, глядя на себя в зеркале в женском наряде — странного, но устойчивого, — он ощущал некую абсурдную, но донельзя реальную иллюзию. Словно он, используя экстремальный способ, пытался найти внутренний баланс — баланс между двумя формами жизни, Шэнь Цинцы и Цинцин, которые казались такими несовместимыми.

Он знал, что этот путь опасен, и что из-за этого мастерства риск стать разоблаченным лишь растёт: чем ярче сияет образ Цинцин, тем больше прикованных к ней взглядов.

Но сейчас, ощущая в теле небывалую гибкость и силу, наслаждаясь успехом, достигнутым собственным трудом, Шэнь Цинцы тронул губы сложной улыбкой.

Раз уж он ступил на этот канат, то станет самым уверенным его покорителем, движущимся с предельной грацией. Будь то необходимость справляться с критическими взглядами или потребность удовлетворить себя — того, что в темные ночи желает лишь одного: расцвести во всей красе.

Йога стала для него очередным безмолвным способом огранки в этой секретной квартире.